

Неоконченный портрет П.Б. Шереметева

К истории создания

Портрет работы любимой дочери, конечно, был дорог Петру Борисовичу, тем и можно объяснить присутствие его в домике дорожившего ею памятью брата.

С.Д. Шереметев¹

В коллекции графики Государственного музея керамики и «Усадьба Кусково XVIII века» хранится пастельный портрет графа Петра Борисовича Шереметева, согласно надписи на обороте — «изъ сухих красокъ и не оконченъ, а писанъ покойною графинею Анною Петровною въ 1765 году»² (ил. 1). Это произведение, хотя и не наделенное высокохудожественными качествами, ценилось Шереметевыми и, судя по усадьбным описям, на протяжении XVIII–XIX веков находилось в усадьбе в Новом доме (бывшая Мыльня).

Долгое время портрет считался видоизмененной копией с работы П. Ротари, также происходящей из кусковской коллекции³ (ил. 2). Сравнивая портреты, нельзя не заметить степень «вольности», допущенной молодой кописткой. Ротари изображает П.Б. Шереметева облаченным в красный кафтан, отороченный мехом, с лентой и орденом Белого Орла, что позволило датировать портрет как созданный около 1760 года⁴. Граф представлен читающим, что придает портрету камерность. В свою очередь, работа А.П. Шереметевой отвечает традиционной схеме парадного портрета в России XVIII века. Петр Борисович представлен в расшитом серебряной нитью красном кафтане с лентой и орденом Св. Андрея Первозванного и знаком ордена Белого Орла. Композиционно портреты также различны — на портрете П. Ротари Шереметев изображен в пол-оборота вправо, с листком бумаги в правой руке. Его глаза опущены вниз, из-за чего создается впечатление, что они полузакрыты. На пастели Шереметев повернут влево, смотрит прямо перед собой. Столь свободная интерпретация иконографии и композиции вызывает некоторое сомнение в правильности атрибуции пастели как видоизмененной копии с оригинала Ротари и наводит на мысль о существовании работы, более схожей с копией Анны.

Из многочисленных изображений П.Б. Шереметева к интересующей нас пастели по композиции, колориту, ракурсу, в котором представлен персонаж, наиболее близок портрет, хранящийся в Музее Академии художеств в Санкт-Петербурге, приписываемый, согласно монографии Т.А. Селиновой⁵, Ивану Аргунову и созданный в конце

1. А.П. Шереметева. Портрет П.Б. Шереметева. 1765 г. Копия с оригинала И. Аргунова.

1770-х годов⁶ (ил. 3). Совпадают здесь даже костюм и знаки отличия. Разнятся только форматы двух работ — аргуновский портрет больше вытянут по вертикали, в то время как портрет, написанный Анной Петровной, кажется обрезанным по нижнему краю. Как следует из монографии Селиновой, это противоречие может быть обусловлено тем, что оригинальный холст был меньше (62,8х54 см) и впоследствии к нему были подклеены края (71х57 см)⁷. Без их учета размер портрета практически равен размеру пастели (61,5х50,5 см).

Стоит отметить, что, прежде чем закрепиться в принятом сейчас виде, атрибуция портрета П.Б. Шереметева из коллекции музея Академии художеств претерпела ряд изменений. В вышедшем в свет в 1870 году «Каталоге исторической выставки портретов», составленном П.Н. Петро-

вым, портрет приписывается Ф.С. Рокотову: «Графъ Петръ Борисовичъ Шереметевъ...Грудное изображение, писано Рокотовымъ (вышин. 16 вер., шир. 13 вершк). Принадлежит Имп. Акад. Худож.»⁸. Позднее, в 1908 году, Н.Н. Врангель дополняет атрибуцию своей ремаркой: «По всей вероятности, это копия Рокотова с оригинала его учителя гр. Ротари»⁹, вероятно, имея в виду портрет Шереметева из кусковского собрания. Подобная атрибуция могла бы подтверждаться и карандашной надписью на обороте холста: «почет. Любитель. № 1262 Рокотовъ», но, согласно монографии Селиновой, она, вероятно, была выполнена

выполненных специалистами Государственной Третьяковской галереи в 2010 году. Согласно экспертному заключению, портрет следует считать работой неизвестного художника второй половины XVIII века. Таким образом, на сегодняшний день ни одного портрета П.Б. Шереметева кисти Рокотова не выявлено.

Сомнений в том, что Иван Аргунов является автором портрета из Академии художеств, а также в том, что, вероятнее всего, именно он послужил оригиналом для работы Анны, практически не остается. Вместе с тем, согласно датировке, предлагаемой Селиновой на основе стилисти-

2. П. Ротари. Портрет П.Б. Шереметева. Около 1760 г.

3. И. Аргунов. Портрет П.Б. Шереметева. Конец 1770-х гг.

С.К. Исаковым¹⁰, составителем очередного каталога музея Академии художеств¹¹, с 1907 по 1918 год занимавшего в нем место штатного помощника хранителя. Первая датировка портрета принадлежит Н.Н. Лапшиной, относившей его к 1750-м годам и традиционно считавшей его частью наследия Рокотова¹². Датировка была «отведена» Селиновой: «Шереметев изображен с орденом Андрея Первозванного, полученным в 1761 году»¹³, следовательно, портрет не мог быть создан ранее этого года.

Н.Н. Лапшина приписывала Рокотову еще один портрет П.Б. Шереметева¹⁴, хранящийся в Астраханской картинной галерее имени П.М. Догадина, куда он поступил из Государственного Русского музея в 1938 году как портрет работы неизвестного художника круга Ф. Рокотова. Атрибуция была окончательно отклонена после исследований,

ческого анализа произведения¹⁵, портрет был создан в конце 1770-х годов. Даже если допустить, что надпись на обороте пастели, указывающая на 1765 год как время создания портрета, была сделана ошибочно, то расширить хронологические рамки создания портрета до конца 1770-х годов не представляется возможным, так как А.П. Шереметева скончалась в 1768 году.

Если считать, что датировка Селиновой верна, то можно предположить существование некоего третьего портрета, служившего прообразом как для Шереметевой, так и для Аргунова. В этом отношении интересно вернуться к ремарке барона Врангеля, приведенной выше, о том, что Рокотов (как нам уже известно, Аргунов) копировал портрет работы Ротари. Сложность заключается в том, что непонятно, какой именно портрет автор имел в виду.

Портрет П.Б. Шереметева работы П. Ротари из собрания Кусково, с которого, как традиционно считалось, скопирована пастель Анны, не единственный. В коллекции музея-усадьбы «Останкино» хранится портрет графа Петра Борисовича Шереметева¹⁶, согласно экспертизе ВХНРЦ им. Грабаря (1982 г.), выполненный в мастерской Пьетро Ротари около 1760 года¹⁷. Заметим, что и этот портрет предположительным оригиналом считать нельзя, так как он является точной копией кусковского. Другие портреты П.Б. Шереметева работы Ротари, среди сохранившихся до наших дней, автору неизвестны. Однако имеется документальное свидетельство существования такого портрета. Случай, описанный в документах 1858 года, столь курьезен, что заслуживает дословного воспроизведения.

В январе 1858 года на адрес Санкт-Петербургской Конторы графа Дмитрия Николаевича Шереметева пришло письмо от некоего господина Н. Крапивки (здесь и далее орфография и пунктуация оригиналов сохранены):

Милостивый Г-рь Дмитрий Николаевич!

В доставшейся мне коллекции картин, состоящей из оригиналов Рубенса, Рембрандта, Гвидо Рени, А. Веронеза, Сальваторе Роза, Доминикно, Альбано, Вуд, Утри, и проч. есть поясной портрет Обер Камергера Графа Петра Борисовича Шереметева, писанный знаменитым итальянским художником Графом Ротари, который призван был Екатериною II в Россию и был придворным живописцем.

В галлерей портретов этот портрет имеет цену как произведение Ротари, но для Вас он может иметь кроме этого как портрет Вашего предка, а по тому неимея возможности, находясь на службе, заниматься картинами я думаю распродать их, я считал бы недилекатным предупредить Вас об этом, в том предположении что Вы незахотите чтобы портрет этот перешел в посторонние руки, и если предположения мои верны, то прошу написать мне по прилагаемому адресу, и тогда я сделаю распоряжение чтобы привезти его ко мне в Москву где и можно будет его видеть, в противном случае я буду считать себя совершенно вправе передать портрет этот в другие руки спрочими картинками.

*Н. Крапивка
13 января 1858 г.¹⁸*

Художники, перечисленные в письме Н. Крапивки, действительно могли составлять коллекцию, значительную по своему художественному уровню, и вызывать живой интерес у коллекционеров XIX века. Однако никаких свидетельств продажи коллекции нами найдено не было, что может свидетельствовать как о том, что она была продана по частям, так и о ее невысоком качестве. Нередко в уездные усадебные собрания попадали картины сомнительного происхождения.

Проявляя явную заинтересованность в предлагаемом портрете, Дмитрий Николаевич направляет ответное письмо:

Милостивый Государь Николай Гаврилович.

Усмотрел из письма Вашего что в Картинной Галлерей Вам принадлежащей находится портрет предка моего Графа Петра Борисовича Шереметева который Вы

предлагаете мне приобрести, имею честь уведомить Вас, Милостивый государь, что хотел я иметь несколько портретов предков моих, не менее того я хотел приобрести и упомянутый вами портрет, но желал бы прежде знать, какую вам удобно будет назначить за оный цену. По получении Вашего извещения я неоставлю сообщить Вам мой окончательный отзыв.

Прошу Вас принять уверение совершеннейшего моего почтения.

*Его Высокоблагородию
Николаю Гавриловичу Крапивке¹⁹*

Ввиду наличия неких, не известных нам обстоятельств, ответа от Н.Г. Крапивки не последовало, в связи с чем, уже из Конторы, а не от самого графа Шереметева, было отправлено очередное письмо с напоминанием о необходимости установить цену за оный портрет:

Контора,

13 января 1859 г.,

Его Высокоблагородию Николаю Гавриловичу Крапивке.

По письму Вашему к Его Сиятельству Графу Дмитрию Николаевичу коим Вы предлагаете купить у Вас поясной портрет Обер-Камергера Графа Петра Борисовича Шереметева писанный знаменитым художником Графом Ротари, контора сия, по поручении Его Сиятельства имеет честь покорнейше просить Вас, Милостивый Государь, почтить ее своим уведомлением какую Вам угодно будет назначить цену за этот портрет²⁰.

Получив очередное напоминание о просьбе Дмитрия Николаевича, господин Крапивка назначает цену за предлагаемый портрет, исходя из известных ему ориентиров: конъюнктуры художественного рынка этого времени и собственных пожеланий:

29 января 1859 г.

4 февраля 1859 г. /подано/

Милостивый Государь Дмитрий Николаевич!

Вы желаете знать какую я назначу цену за портрет Петра Борисовича Шереметева писанный Графом Ротари, но так как мне пришлось в первый раз продавать картину, я был в затруднении и не желая сделать это несомнительно я собрал сведения и узнал что современные художники берут за портрет, писанный масляными красками, от 500 руб. до 1000 и более, но так как предлагаемый мною портрет, как произведение Графа Ротари, в настоящее время составляют художественную редкость, то назначил за него тысячу рублей и думаю что это будет немного и что этот портрет для Вас может иметь эту цену; впрочем, так как взгляды на одни и те же вещи бывают совершенно различны, то в таком случае я прошу Вас меня уведомить о Вашем мнении.

Н. Крапивка²¹

Последнее письмо, связанное с этим портретом, было крайне лаконично. Вопреки возможным ожиданиям Н. Крапивки, ответ пришел не от графа, а из его Конторы, и был крайне содержателен, хотя и краток:

В Москву

Его Высокоблагородию Николаю Гавриловичу Крапивка
В Штаб Гренадерской Артиллерийской Дивизии
г. Старшему Адвокату.

С. Петербургская Контора Графа Д.Н. Шереметева, по приказанию Его С-ва, имеет честь уведомить Его Высокоблагородие Николая Гавриловича Крапивку, в ответ на письмо его, что портрет Графа Петра Борисовича Шереметева Его С-вом приобретен быть не может²².

Итак, несмотря на намерение приобрести ценный портрет предка, осведомившись о запрашиваемой стоимости, Д.Н. Шереметев был вынужден от него отказаться. Был ли этот портрет еще одной копией кусковского портрета, или это была оригинальная работа, а может, и разыскиваемый нами прообраз, сейчас установить не удастся, поскольку следы его, как и всей коллекции, в документах более позднего времени не прослеживаются. Можно предположить, что не существовало никакого «третьего» портрета, выполненного гр. Ротари, а портрет, речь о котором ведется в переписке Н.Г. Крапивки и Д.Н. Шереметева, не что иное, как работа мастерской П. Ротари, ныне хранящаяся в коллекции музея-усадьбы «Останкино», поскольку, согласно каталогу «Русский портрет XVIII–XIX веков. Из собрания Московского музея-усадьбы

«Останкино»», она поступила в музей в 1950 году из Комитета по делам искусств при Совете Министров РСФСР²³.

В качестве альтернативной версии происхождения пастельного портрета П.Б. Шереметева хотелось бы подробнее рассмотреть возможность копирования с портрета Аргунова из музея Академии. В таком случае можно предположить, что датировка масляного портрета была неточной. Нижнюю хронологическую границу создания портрета графа Шереметева можно определить как 1761 год, когда портретируемый получил орден Св. Андрея Первозванного, с которым он изображен. В Академию художеств портрет попадает в связи с избранием графа в почетные любители, что произошло в 1766 году. Как говорилось выше, Селинова датирует портрет концом 1770-х годов и, подтверждая верность вывода, сделанного на основе стилистического анализа, приводит документ, датированный 1785 годом, согласно которому «за написание вне Академии портрета графа Петра Борисовича выдать живописцу Ивану Аргунову 25 рублей, записать в личный расход с распискою, а оный портрет обще с прежде писанными прочих господ любителей отдать в смотрение Сергею Беляеву»²⁴. Столь значительную задержку в выплате средств Селинова объясняет тем, что «делопроизводство в XVIII веке велось довольно медленно, а выдача денег художникам за выполненные произведения проходила еще медленнее, чему существует немало примеров...»²⁵. Не стоит забывать, что портрет работы Анны датирован 1765 годом, о чем свидетельствует надпись на обороте. Из той же надписи следует, что портрет «неокончен». Историк XIX века М.И. Пыляев в своей книге «Старая Москва» пишет: «В спальне покойного графа висел неоконченный его портрет, писанный пятнадцатилетнею его дочерью; смерть помешала кончить его, и неутешный отец не хотел, чтобы чья-нибудь рука коснулась работы милой его дочери»²⁶. Пыляев ошибался, считая, что Анна создавала портрет в возрасте пятнадцати лет, в 1765 году ей был двадцать один год, да и причина, по которой он так и не был закончен, вероятно, не была связана с ее смертью. Уместнее предположить, что Анна, копируя портрет отца с известного нам оригинала Аргунова, была вынуждена оставить работу, так как оригинал был передан в Академию художеств, для размещения в зале Совета, после избрания П.Б. Шереметева почетным любителем, то есть сразу в 1766 году, чего и требовал протокол. Таким образом, если принять датировку портрета работы Аргунова — 1761–1765 годы, то все противоречия снимаются, и пастельный портрет П.Б. Шереметева, написанный Анной Петровной, с большой долей вероятности можно считать копией не с работы П. Ротари, как считалось ранее, а с оригинала И. Аргунова.

В заключение хотелось бы отметить, что не только живописные полотна, служившие образцами для копирования, в том числе в графике, позволяют уточнить атрибуцию последней, но и сами копии, как еще один «документальный» источник, свидетель времени, позволяют дополнить сведения об оригиналах, с которых они выполнены. В этом отношении их значение для атрибуции предметов искусства сложно переоценить.

Ксения НЕМОВА

¹ Шереметев С.Д. Кусково до 1812 года. М., 1899. С. 36.

² ГМК. Инв. Гр-771.

³ ГМК. Инв. Ж-143.

⁴ Ракина В.А. Русский портрет XVIII–XIX веков. Из собрания Московского музея-усадьбы «Останкино»: Каталог. М., 1995. С. 56.

⁵ Селинова Т.А. Иван Петрович Аргунов (1729–1802). М.: Искусство, 1973. С. 202.

⁶ НИМ РАХ. Инв. Ж-247.

⁷ Там же.

⁸ Петров П.Н. Каталог исторической выставки портретов лиц XVI–XVIII вв., устроенной Обществом поощрения художников. Изд. 2, исп. и доп. алфавитным указателем. СПб., 1870. С. 101–102.

⁹ Каталог старинных произведений искусств, хранящихся в Императорской Академии художеств: Приложение к журналу «Старые годы»/Сост. барон Н.Н. Врангель. СПб., 1908. С. 78–79.

¹⁰ Селинова Т.А. Указ. соч. С. 187–188.

¹¹ Императорская Академия художеств. Музей. Русская живопись: Каталог/Составитель С.К. Исаков. Пг., 1915. № 1262.

¹² Лапшина Н.П. Федор Степанович Рокотов. М., 1959. № 7.

¹³ Селинова Т.А. Указ. соч. С. 103.

¹⁴ Инв. № АГКГ Ж-170.

¹⁵ Селинова Т.А. Указ. соч. С. 103–106.

¹⁶ Московский музей-усадьба «Останкино». Инв. Ж-321.

¹⁷ Ракина В.А. Указ. соч. С. 56.

¹⁸ РГИА. Ф. 1088. Оп. 1. Д. 612 (1858–1859 гг.). Л. 43–44.

¹⁹ Там же. Л. 45, 45 об.

²⁰ Там же. Л. 46, 46 об.

²¹ Там же. Л. 47–48.

²² Там же. Л. 49.

²³ Ракина В.А. Указ. соч. С. 56.

²⁴ Цит. по: Селинова Т.А. Указ. соч. С. 105.

²⁵ Там же.

²⁶ Пыляев М.И. Старая Москва. Рассказы из былой жизни первопрестольной столицы. М., 2007. С. 178.